

УДК 316.6+37.015.31+159.9.07

DOI: [10.15293/2658-6762.2503.11](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.11)Научная статья / Research Full Article
Язык статьи: русский / Article language: Russian

Образовательная среда как ресурс социализации подростков с разными вариантами психологического благополучия в условиях гибридной войны

Е. В. Тихомирова¹, Н. С. Шипова¹, О. Н. Вишневская¹, А. Г. Самохвалова¹¹ Костромской государственный университет, Кострома, Россия

Проблема и цель. В статье рассматривается проблема ресурсных возможностей образовательной среды как института социализации подростков. Цель исследования состоит в выявлении степени травматизации и особенностей психологического благополучия детей в условиях гибридной войны, а также в обосновании мишеней психолого-педагогической помощи подросткам с разными типами благополучия.

Методология. Методологической основой исследования являются субъектно-деятельностный, социокультурный и ресурсный подходы. Исследование выполнено в рамках номотетического подхода. Для достижения цели авторы использовали теоретические (анализ, сравнение, обобщение, систематизация) и эмпирические (тестирование) методы, а также методы статистической обработки информации. Респондентами выступали 249 детей (75 мальчиков и 174 девочки) в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст – 15,9; при SD = 1,17), проживающих на территориях, по-разному удаленных от мест ведения боевых действий (вновь присоединенные территории – «первый круг близости» к специальной военной операции (Луганск, Донецк, n = 115), приграничные российские территории – «второй круг близости» (Курск, Белгород, n = 41) и отдаленные регионы – «третий круг близости» (Кострома, Ярославль, n = 93)).

Результаты. Авторами статьи были проанализированы и обобщены исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам социализации и психологического благополучия детей в условиях гибридной войны, а также выявлению ресурсных возможностей образовательной среды в минимизации рисков социализации подрастающего поколения; представлены эмпирические результаты исследования; выявлены 5 кластеров, отражающих различные типы выраженности показателей психологического благополучия и травматизации детей в условиях военного конфликта, а также связности данных показателей.

Финансирование проекта: Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта при поддержке Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-00725 по теме «“Дети эпохи гибридной войны”: трудности социализации, образ будущего, ресурсы психологического благополучия»

Библиографическая ссылка: Тихомирова Е. В., Шипова Н. С., Вишневская О. Н., Самохвалова А. Г. Образовательная среда как ресурс социализации подростков с разными вариантами психологического благополучия в условиях гибридной войны // Science for Education Today. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 224–251. DOI: [http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.11](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.11)

✉ Автор для корреспонденции: Анна Геннадьевна Самохвалова, a_samoхvalova@kosgos.ru

© Е. В. Тихомирова, Н. С. Шипова, О. Н. Вишневская, А. Г. Самохвалова, 2025

На основе анализа результатов исследования были определены трудности социализации, коммуникативные проблемы и специфика образа мира в выделенных группах сопоставления, а также выявлены зоны риска в процессах социализации подростков.

Заключение. На основе полученных результатов были выявлены варианты благополучия и неблагополучия подростков в условиях гибридной войны, что позволило определить мишени адресной психолого-педагогической помощи подросткам в системе образования.

Ключевые слова: образовательная среда; социализация; подростки; гибридная война; психологическое благополучие; травматизация; ресурс; коммуникативные трудности; образ мира.

Постановка проблемы

В условиях современных военных конфликтов, которые характеризуются высокой интенсивностью, длительностью и вовлеченностью гражданского населения, актуальность приобретает изучение особенностей социализации и психологического благополучия детей. Дети, находящиеся в зоне военных действий или в непосредственной близости от них, сталкиваются с множеством стрессогенных факторов, включая угрозу жизни, потерю близких, разрушение привычного уклада жизни и социальной инфраструктуры [1; 2]. Это связывают как с новыми «гибридными» формами ведения войны в современном мире, включающими военные и невоенные способы воздействия (информационно-идеологическое, политическое, финансово-экономическое)¹, так и с чисто психологическими рисками, связанными с особыми эмоциональными состояниями детей и значимых взрослых, утратами и разлукой с близкими, которые принимают непосредственное участие в военном конфликте, военной тревогой и страхом и др. [3].

Отмечается, что военный конфликт может нарушать *процессы социализации детей*, приводя к трудностям в установлении социальных связей, коммуникативным трудностям и трудностям самоидентификации [4; 5]. Травматический опыт может исказить у детей восприятие мира в сторону негативной валентности и фрагментированности [6]. В ситуации войны у детей возникают социальные, эмоциональные, школьные трудности [7]; неопределенность жизненных перспектив, появление болезненных тем, ограничение фантазийных игр, социальная изоляция [8], усвоение паттернов агрессивного поведения, нарративов поддержания военного конфликта, ранняя военная социализация²; укорочение периода детства³.

В то же время современные исследования подчеркивают важность *резилентности* (*устойчивости*) как ключевого фактора, способствующего сохранению психологического благополучия и успешной социализации в условиях стресса [9]. Дети, обладающие *внутренними ресурсами*, такими как оптимизм, самоэффективность и социальная поддержка,

¹ Ксенофонтов В. А. Гибридная агрессия как тенденция социального насилия // Вышэйшая школа: наука-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2022. – № 1. – С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49320649>

² Laine-Frigren T. Traumatized Children in Hungary After World War II. In: Kivimäki, V., Leese, P. (eds) Trauma, Experience and Narrative in Europe after World War II. Palgrave Studies in the History of Experience. Palgrave

Macmillan, Cham. – 2022. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-84663-3_6

³ Рыболова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Архипова Е. В., Курилла И. И., Назарова М. П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. – 336 с.

демонстрируют более высокий уровень адаптации к военным условиям⁴. Наличие позитивных когнитивных схем и эмоциональной поддержки может способствовать формированию более гармоничного восприятия реальности [10]. В качестве *внешних ресурсов устойчивости* рассматриваются родительская защита⁵, участие в досуговых мероприятиях, командной работе, коллективной деятельности; социальная, эмоциональная поддержка учителей, родителей, друзей⁶.

Изучаются *потенциалы образовательной среды как института социализации подрастающего поколения* на разных возрастных этапах. Выявлена роль социального, пространственно-предметного и технологического компонентов образовательной среды в качестве предикторов психологического благополучия детей дошкольного возраста [11]. Установлено, что для высокого благополучия детей в школе важны наличие ресурсов среды и умение учеников ими воспользоваться⁷; развитие личностных качеств учеников, налаживание системы отношений с учителями и сверстниками; причем разные группы учеников требуют разных интервенций для повышения благополучия – в зависимости от того, с какими рисками они сталкиваются в школе, какими личностными особенностями обладают [12]. Подчеркивается, что вовлеченность детей в систему дополнительного образования

является фактором их субъективного благополучия, снижает риск эмоционального выгорания в школе⁸. Представлены вариативные модели содействия психологическому благополучию студентов⁹.

В последние годы активно разрабатываются *программы психологической помощи* для обучающихся, направленные на снижение последствий травматического стресса и укрепление психологического благополучия детей: когнитивно-поведенческая терапия, терапия, ориентированная на травму, и программы, направленные на развитие социальных навыков [13; 14].

Вместе с тем анализ научного дискурса показал, что, во-первых, недостаточно изучена специфика социализации детей в условиях гибридной войны, сочетающей военные и невоенные способы деструктивного воздействия; во-вторых, не выявлены варианты (типы) психологического благополучия детей, связанные со степенью их военной травматизации; в-третьих, не отражена ресурсная роль образовательной среды (школы, организации дополнительного образования, временных детских объединений) в преодолении трудностей социализации детьми с разным профилем психологического благополучия.

Цель исследования состоит в выявлении степени травматизации и особенностей психологического благополучия детей в условиях

⁴ Ungar M. Multisystemic resilience: Adaptation and transformation in contexts of change. Oxford University Press. – 2021. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190095888.001.0001>

⁵ Zhang N., Lee S. K., Zhang J., Piehler T., Gewirtz A. Growth trajectories of parental emotion socialization and child adjustment following a military parenting intervention: A randomized controlled trial // Developmental Psychology. – 2020. – Vol. 56 (3). – P. 652–663. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000837>

⁶ Maftei A., Dănilă O., Mărean C. The war next-door – A pilot study on Romanian adolescents' psychological

reactions to potentially traumatic experiences generated by the Russian invasion of Ukraine // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1051152>

⁷ Walker M. Amartya Sen's capability approach and education // Educational action research. – 2005. – Vol. 13 (1). – P. 103–110. DOI: <https://doi.org/10.1080/09650790500200279>

⁸ Благополучие в образовании: современные исследования: сб. научных ст. / науч. ред. Т. Н. Канонир, А. И. Савенков. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 240 с.

⁹ Там же.

гибридной войны, а также в обосновании мишеней психолого-педагогической помощи подросткам с разными типами благополучия.

Методология исследования

Методологические основания исследования. Специфика социализации подростков, уровень, варианты и ресурсы их психологического благополучия исследованы нами с позиций следующих подходов:

- субъектно-деятельностного [15] (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Л. И. Анциферова, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.) [Обзор по: 15], позволяющего рассматривать развитие ребенка в качестве субъекта жизненного пути, развивающегося по континуально-генетическим законам, преобразующего жизненные ситуации, самостоятельно выстраивающего линии социализации, индивидуальные стратегии поведения, решающего жизненно-важные задачи, самодетерминирующего социальную активность, открывающего и фиксирующего ресурсы психологического благополучия;
- социокультурного¹⁰ ¹¹ (К. Левин, У. Бронfenбреннер, Д. С. Лихачев, В. И. Панов, А. Н. Веракса, В. В. Абраменкова, А. А. Реан и др.)¹², рассматривающего развитие личности ребенка в контексте его взаимодействия с социальной средой, предполагающего изучение влияния, оказываемого на развитие подростка его ближайшим социальным

окружением (семья, школа, дополнительное образование), так и более отдаленным – положением детей в обществе в ситуации гибридной войны, интегрирующей боевые и небоевые разрушающие воздействия на детскую психику;

– ресурсного¹³ (М. А. Холодная, Т. Л. Крюкова, С. А. Хазова, А. В. Махнач и др.)¹⁴, который является определяющим для выявления факторов, способствующих и препятствующих конструктивному преодолению трудностей социализации, достижению подростками психологического благополучия.

Теоретические основания исследования. В основе исследования – структурно-функциональная модель психологического благополучия субъекта, которое понимается нами как интегральная характеристика состояний человека, обеспечивающих согласованность психических функций и процессов, достижение внутреннего равновесия и субъектной целостности; оно реализуется на психофизиологическом, индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровнях. В качестве структурных компонентов психологического благополучия рассматриваются ценностно-смысловой, аффективный, когнитивный, конативный, рефлексивный [16].

Психологическое благополучие детей в условиях военного времени представляет собой сложный и многогранный феномен. В условиях войны дети сталкиваются с множеством

¹⁰ Веракса Н. Е., Веракса А. Н. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронfenбреннера // Современное дошкольное образование: теория и практика. – 2014. – № 10. – С. 56-59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25604866>

¹¹ Панов В. И. Экологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – № 3.

¹² Обзор по: Панов В. И. Экологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты //

Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – № 3.

¹³ Ларионова Л. И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – Т. 6, № 6А. – С. 50-58.

¹⁴ Обзор по: Ларионова Л. И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – Т. 6, № 6А. – С. 50-58.

вызовов, таких как потеря безопасности, нарушение социальных связей и необходимость адаптации к новым условиям жизни. Эти вызовы могут приводить к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), тревожных и депрессивных состояний [17; 18; 19]. Эти состояния могут сохраняться на протяжении многих лет после окончания конфликта¹⁵ [20; 21; 22]. Условия физической, социальной и информационной депривации, сопровождающие травматический стресс, могут значительно усугублять его переживание и увеличивать риск социализации [23].

Образовательная среда школы или организаций дополнительного образования рассматривается нами как значимый *ресурс успешной социализации* подростков в условиях гибридной войны. Мы используем подход, основанный на *изучении сильных сторон личности*, с целью формирования позитивного восприятия и самовосприятия подростков, повышения адаптивности и включенности в собственную жизнь, обретения смысла жизни и достижения благополучия. Это достигается посредством воздействия на личностные ресурсные характеристики, вовлечения в дело, приносящее удовольствие, построения позитивных социальных взаимоотношений в образовательной среде¹⁶. Позитивные психологические интервенции могут быть реализованы в виде отдельных упражнений или активностей, программ, комплексов тренингов, це-

лостных курсов обучения, а также представлять собой глобальное переориентирование образовательной среды, включающей все аспекты обучения, начиная от климата и заканчивая способом преподавания школьных дисциплин [24]. В работе с детьми в условиях гибридной войны мы используем технологии коммуникативной, организационно-деятельностной и аутогенной психолого-педагогической поддержки¹⁷.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что существует специфика социализации детей с разными типами связаннысти психологического благополучия и травматизации личности в контексте гибридной войны.

Методы исследования. В исследовании использовались общенаучные и частно-научные методы тестирования, а также методы математического анализа данных. В исследовании приняли участие 249 детей (75 мальчиков и 174 девочки) в возрасте от 14 до 17 лет ($M = 15,9$; $SD = 1,17$), проживающих в различных регионах Российской Федерации (вновь присоединенные территории – «первый круг территориальной близости» к специальной военной операции (Луганск, Донецк, $n = 115$), приграничные российские территории – «второй круг близости» (Курск, Белгород, $n = 41$), отдаленные регионы – «третий круг близости» (Кострома, Ярославль, $n = 93$). Выборку составили только те респонденты, которые дали ин-

¹⁵ Панишева О. В., Логинов А. В. Анализ педагогических особенностей «детей войны» // Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции «Личность. Общество. Образование. Качество жизни и образование: стратегии и инновационные практики» (г. Санкт-Петербург, 30–31 марта 2016 г.). – СПб: Ленинградский областной институт развития образования, 2016. – С. 186–191. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25972814>

¹⁶ Waters L. A Review of School-Based Positive Psychology Interventions // Australian Journal of Educational and Developmental Psychology. – 2011. – Vol. 2. – P. 75–90.

¹⁷ Синицына Т. Ю. Особенности психического состояния участников боевых действий и членов их семей. Типология основных моделей поведения и реагирования участников боевых действий на боевой стресс: пособие для руководителей. – Южно-Сахалинск, 2023. – 60 с.

формированное согласие на участие в исследовании, также информированное согласие давали их родители.

Работа выполнена в рамках номотетического подхода. Использовались следующие методики:

– Опросник «Шкала психологического благополучия личности» А. Г. Самохваловой, Е. В. Тихомировой, Н. С. Шиповой, О. Н. Вишневской, определяющий уровень развития аффективного, когнитивного, конативного, рефлексивного, ценностно-смыслового компонентов психологического благополучия подростков [25],

– «Детская шкала для диагностики тяжести реакций на травматический стресс» (Шкала CPTS-RI, Р. Пинос, А. Стейнберг, 2002, в адаптации Е. С. Молчановой), предназначенная для оценки интенсивности реакции на травматический стресс у детей и подростков, учитывающая три фактора: травматический опыт, напоминания об этом опыте, вторичные проблемы и стрессы в повседневной жизни ребенка¹⁸;

– Опросник «Трудности социализации» А. Г. Самохваловой и др., выявляющий уровень развития различных компонентов социализации: ценностно-мотивационного, когнитивного и поведенческого [25];

– Опросник «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» А. Г. Самохваловой. Выявляет актуальные коммуникативные трудности (базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные) подростков в ситуациях общения со сверстниками и взрослыми [26];

– Методика «Мир, в котором я живу... Какой он?» М. А. Однцовой, являющаяся модификацией теста оценки субъективно-эмоционального отношения ребенка к миру И. А. Буровихиной, позволяющая выявлять эмоциональный, когнитивный и волевой компоненты образа мира¹⁹;

– биографическая анкета, позволяющая получить социально-демографические характеристики респондентов.

Также использовались методы математического анализа данных: дескриптивная статистика, критерий Колмогорова – Смирнова для анализа нормальности распределения признаков, критерий Ливиня для оценки гомогенности дисперсии признака, кластерный анализ методом К-средних для выявления групп респондентов, Н-критерий Краскела – Уоллиса для сравнения более трех независимых групп, критерий Манна – Уитни для попарного сопоставления групп, линейный регрессионный анализ.

Результаты исследования

В ходе опроса подростков, проживающих в различных регионах Российской Федерации, определялись выраженность показателей психологического благополучия, травматизации личности, особенности социализации, коммуникативных трудностей и образа мира респондентов.

Анализ средних значений, стандартных отклонений и сопоставление их с нормативными показателями по каждой методике указывает на то, что в целом по выборке интегральный показатель *психологического благополучия* находится в пределах верхней границы нормы и высоких нормативных значе-

¹⁸ Никольская И. М., Добряков И. В. Выявление насилия в отношении детей: руководство для специалистов, работающих в системе защиты детей. – Бишкек: Блиц, 2014. – 40 с.

¹⁹ Однцова М. А. Психология жизнестойкости: учебное пособие. – М.: Флинта, 2015. – 292 с.

ний ($m = 111,49 (22,5)$), при диапазоне высоких значений на уровне нормативных показателей – 100–150 баллов (\min значение в выборке = 46; $\max = 150$). При этом показатель *реакций на травматический стресс* соответствует тяжелому уровню проявлений: $m = 48,68 (16,1)$, при диапазоне высоких значений на уровне нормативных показателей – 40–59 баллов (\min значение в выборке = 20; $\max = 89$). Относительная противоречивость результатов соотнесения средних значений, полученных по психологическому благополучию и реакций на травматический стресс, а также существенный разброс значений по шкалам данных методик в выборке подсказывает возможность наличия разных вариантов благополучия детей в условиях травмы военного времени.

Затем были проанализированы особенности социализации, коммуникативных трудностей и образа мира у подростков и также сопоставлены с нормативными показателями. Установлено, что более выражены базовые

($m = 16,4 (7,5)$) и содержательные ($m = 16,5 (8,1)$) коммуникативные трудности (инструментальные $m = 15,1 (8,4)$, рефлексивные трудности $m = 15,2 (8,2)$), но при этом их выраженность носит умеренный характер, что соответствует возрастным особенностям, также, как и уровень *социализации* ($m=38,51 (7,95)$). *Образ мира* отличается гармоничным соотношением эмоционального ($m=35,33 (8,3)$), когнитивного ($m=36 (7)$) и волевого компонентов ($m=36 (13,8)$).

Для более глубокого понимания возможных вариантов психологического благополучия и травматизации личности и их сочетаний на общей выборке был применен кластерный анализ наблюдений методом К-средних. В результате было выделено 5 кластеров, отражающих различные типы связности данных показателей (табл. 1). Сходимость достигнута по критерию малой величины или отсутствия изменений в положении центров кластеров. Количество итераций – 15.

Таблица 1

Результаты кластерного анализа: конечные центры кластеров ($n = 249$)

Table 1

Results of cluster analysis: final cluster centers ($n = 249$)

Психологическое благополучие и травматический стресс	1 кластер (n = 47)	2 кластер (n = 50)	3 кластер (n = 67)	4 кластер (n = 60)	5 кластер (n = 25)
Общий показатель психологического благополучия	89,55	114,62	116,6	137,4	70,56
Аффективный компонент благополучия	17,87	22,6	23,39	27,63	11,76
Когнитивный компонент благополучия	17,06	22,86	22,78	27,5	14,68
Конативный компонент благополучия	17,83	22,7	22,4	27,15	15,48
Рефлексивный компонент благополучия	17,83	23,1	24,13	27,37	12,36
Ценностно-смысловой компонент благополучия	18,96	23,36	23,9	27,75	16,28
Травматизация личности	50,17	67,3	39,7	34,1	67,68

После выделения кластеров был проведен их сопоставительный анализ по дополнительным параметрам травматического стресса для более полного понимания и интерпретации вариантов благополучия ребенка в высо-

кострессогенном контексте, связанном с военными действиями: категория А – наличие травматического события, категория В – вторжение; категория С – избегание, категория D – возбуждение, категория Е – горе и регрессия [27] (табл. 2).

Таблица 2

Различия в выраженности дополнительных параметров травматического стресса у респондентов с принадлежностью к разным кластерам – вариантам благополучия (критерий Краскелла – Уоллиса)

Table 2

Differences in the severity of additional parameters of traumatic stress in respondents belonging to different clusters – well-being options (Kruskall – Wallis criterion)

Кластеры	Кластер 1 (n = 47)	Кластер 2 (n = 50)	Кластер 3 (n = 67)	Кластер 4 (n = 60)	Кластер 5 (n = 25)	Хи-квадрат	Уровень зна-чимости
Параметры травматического стресса	Средний ранг					χ^2	P
Наличие травматического события	138,99	174,78	96,37	78,87	186,6	81,03	0,000
Вторжение	136,2	202,42	88,42	65,04	191,04	139,31	0,000
Избегание	133,69	198,04	90,46	65,86	197,08	133,57	0,000
Возбуждение	134,55	188,29	97,19	67,08	194,02	111,98	0,000
Регресс и горе	139,09	195,12	97,69	59,41	188,88	131,08	0,000

В первый кластер (условное название «Амбивалентное благополучие») было включено 47 респондентов ($M = 15,6$), у которых наблюдается средний уровень психологического благополучия ($m = 89,55$) при высоком уровне реакций на травматический стресс ($m = 50,17$). Данный кластер практически уравновешен по половому составу: 20 мальчиков, 27 девочек; из них 26 человек (55,3 %) относятся к первому кругу близости, 8 человек (17 %) – ко второму кругу, 13 человек (27,7 %) – к третьему, преобладающее количество детей относится к первому кругу территориальной близости к СВО. В данном случае речь идет о респондентах, которые относительно

благополучны в настоящее время, пытаются адаптироваться, найти смыслы, но при этом имеют серьезные последствия травматизации личности.

Численность респондентов во втором кластере «Защитное благополучие» составила 50 человек ($M = 16,2$). Для данного кластера характерны самые противоречивые показатели: достаточно высокий уровень психологического благополучия ($m = 114,62$) при наличии ярко выраженных проявлений реакций на травматический стресс ($m = 67,3$; балл выше 60 указывает на очень тяжелый уровень реакции на травму). Из показателей травматиче-

ского стресса по сравнению с остальными кластерами превалируют показатели вторжения, регресса и горя. В данной группе значительно больше девочек, в большей степени входящих в третий и первый круги близости: 11 мальчиков, 39 девочек, из них 18 человек (36 %) относятся к первому кругу близости, 9 человек (18 %) – ко второму, 23 человек (46 %) – к третьему.

Третий кластер (*«Ресурсное благополучие»*) оказался самым многочисленным, в него вошли 67 детей из первого и третьего кругов близости с незначительным превалированием детей из первого круга ($M = 16,1$, 20 мальчиков, 47 девочек, из них 32 человека (47,8 %) – первый круг близости, 7 человек (10,4 %) – второй, 28 человек (41,8 %) – третий). Подростки характеризуются практически таким же уровнем психологического благополучия, как и респонденты из второго кластера (высокие значения), но при умеренных значениях травматизации.

В четвертый кластер вошли 60 респондентов (*«Стабильное благополучие»*), в нем преобладают дети из первого круга близости: $M = 15,85$; 20 мальчиков, 40 девочек, из них 34 человека (56,7 %) относятся к первому кругу близости, 7 человек (11,7 %) – ко второму, 19 человек (31,7 %) – к третьему. Стоит отметить, что именно данные подростки отличаются очень высоким уровнем психологического благополучия ($m = 137,4$) и умеренным уровнем травматизации ($m = 34,1$), самым низким из всех выделенных кластеров.

Пятый кластер (*«Неблагополучие»*) самый малочисленный, его составили 25 человек, находящиеся в зоне высокого психологического риска: $M = 15,7$; 4 мальчика, 21 девочка; из них 5 человек (20 %) относятся к первому кругу близости, 10 человек (40 %) – ко

второму и 10 человек (40 %) – к третьему. Их отличают средние показатели психологического благополучия, самые низкие значения из 5 представленных кластеров ($m = 70,56$), и самые высокие показатели травматических реакций ($m = 67,68$). Как и во втором кластере, здесь выражены все параметры травматического стресса: наличие травматического события, вторжение, избегание, возбуждение и регресс.

Достоверность различий в выраженности психологического благополучия и травматизации подтверждена с помощью дисперсионного анализа ($p \leq 0,000$).

Далее было проверено предположение о том, что особенности социализации, коммуникативные трудности и образ мира будут различаться у респондентов из разных кластеров. Различия анализировались посредством критерия Краскелла – Уоллиса (табл. 3).

Трудности социализации в первую очередь присущи детям, входящим в пятый и первый кластеры, несмотря на то, что в первом кластере достаточно высокий уровень благополучия. Коммуникативные трудности в большей степени характерны для представителей пятого и второго кластеров. Образ мира наименее конкретизирован и позитивен у детей из пятого и первого кластеров. Наиболее благополучные показатели характерны для детей четвертого кластера. Таким образом, наиболее уязвимы с точки зрения социализации в современном контексте военного времени оказываются представители пятого кластера *«Неблагополучие»*, первого кластера *«Амбивалентное благополучие»*, второго кластера *«Защитное благополучие»*.

Таблица 3

**Специфика социализации и образа мира у респондентов с разными вариантами благополучия
(критерий Краскелла – Уоллиса, уровень значимости $p \leq 0,001$)**

Table 3

**Specifics of socialization and worldview of respondents with different types of well-being
(Kruskall – Wallis test, significance level $p \leq 0.001$)**

Кластеры	Кластер 1 (n = 47)	Кластер 2 (n = 50)	Кластер 3 (n = 67)	Кластер 4 (n = 60)	Кластер 5 (n = 25)	Хи-квадрат
	Средний ранг					χ^2
Особенности социализации						
Интегральный показатель	69,76	122,34	129,38	191,45	62,96	97,79
Ценностно-мотивационный показатель	92,88	124,04	125,25	168,66	81,86	40,85
Когнитивный показатель	66,88	124,97	130,57	189,02	65,76	96,1
Поведенческий показатель	75	121,13	128,25	184,05	76,3	75,51
Коммуникативные трудности						
Базовые	131,24	156,79	108,4	88,47	181,86	44,77
Содержательные	132,97	157,81	107,01	89,2	178,52	43,83
Инструментальные	137,83	152,56	108,95	86,63	180,86	44,29
Рефлексивные	140,93	150,89	111,1	87,63	170,22	37,33
Образ мира						
Эмоциональный	95,69	105,36	129,48	175,44	86,32	48,76
Когнитивный	88,35	112,29	133,91	176,74	71,26	60,26
Волевой	91,33	114,43	127,9	179,58	70,66	60,61

В связи с тем, что результаты, полученные с помощью критерия Краскелла – Уоллиса, не вполне информативны, поскольку были выявлены значимые различия между кластерами по всем изучаемым параметрам ($p \leq 0,001$), было принято решение попарно

сопоставить кластеры с помощью критерия Манна – Уитни для понимания характера различий между ними. В первую очередь сопоставлялись кластеры 1, 2 и 5, входящие в «группу психологического риска» (табл. 4).

Таблица 4

**Значимые различия в особенностях социализации, коммуникативных трудностях и образе мира при попарном сопоставлении «групп психологического риска»
(критерий Манна – Уитни, уровень значимости $p \leq 0,05$)**

Table 4

**Significant differences in socialization characteristics, communication difficulties and worldview in pairwise comparison of “psychological risk groups”
(Mann – Whitney test, significance level $p \leq 0,05$)**

Кластеры	Кластер 1 (n = 47) и Кластер 2 (n = 50)			Кластер 1 (n = 47) и Кластер 5 (n = 25)			Кластер 2 (n = 50) и Кластер 5 (n = 25)		
	Средний ранг 1	Средний ранг 2	U значение	Средний ранг 1	Средний ранг 5	U значение	Средний ранг 2	Средний ранг 5	U значение
Особенности социализации									
Интегральный показатель социализации	36,99	60,29	610,5	–	–	–	44,89	24,22	280,5
Ценностно-мотивационный показатель	42,31	55,29	860,5	–	–	–	42,46	29,08	402
Когнитивный показатель	35,47	61,72	539	–	–	–	45,11	23,78	269,5
Поведенческий показатель	38,91	58,48	701	–	–	–	42,91	28,18	379,5
Коммуникативные трудности									
Базовые	43,17	54,48	901	31,07	46,7	332,5	34,4	45,2	445
Содержательные	–	–	–	31,7	45,52	362	34,41	45,18	445,5
Инструментальные	–	–	–	31,73	45,46	363,5	33,71	46,58	410,5
Рефлексивные	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Образ мира									
Эмоциональный	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Когнитивный	–	–	–	–	–	–	42,57	28,86	396,5
Волевой	–	–	–	–	–	–	42,88	28,24	381

Установлено, что наиболее схожи первый и пятый кластеры, у которых практически

не выявлено значимых различий, за исключением ряда коммуникативных трудностей. Вто-

рой и пятый кластеры, напротив, имеют значимые различия по всем переменным ($p \leq 0,05$), за исключением рефлексивных трудностей и эмоциональной составляющей образа мира. Первый и второй кластеры различаются по особенностям социализации с превалированием во втором кластере. То есть они в меньшей степени, чем представители первого и пятого кластеров, испытывают разнообразные трудности социализации. Это дает возможность предположить наличие достаточно высокой предикционной нагрузки психологического благополучия в отношении социализации, по сравнению с травматизацией. Заметим, что именно во втором кластере наблюдались наиболее высокие показатели благополучия из всех кластеров зоны риска. Коммуникативные

трудности превалируют в пятом кластере. Когнитивный и волевой компоненты образа мира менее позитивны также в пятом кластере.

При попарном сопоставлении третьего и четвертого кластеров выявлено, что дети, несмотря на достаточно высокие показатели благополучия, отличаются между собой по всем шкалам социализации, коммуникативным трудностям и образу мира в сторону ухудшения показателей в третьем кластере. Вероятно, это связано с чуть более выраженными реакциями на травматический стресс в третьем кластере ($p \leq 0,05$).

Для выявления предикционной нагрузки психологического благополучия и травматического стресса в отношении процессов социализации детей в условиях военного времени на совокупной выборке респондентов был проведен линейный регрессионный анализ (табл. 5).

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа ($n = 249$): предикция социализации психологическим благополучием и посттравматическим стрессом (уровень значимости $p \leq 0,000$)

Table 5

Regression analysis results ($n = 249$): prediction of socialization by psychological well-being and post-traumatic stress (significance level $p \leq 0.000$)

Зависимые переменные	Независимая переменная 1 – психологическое благополучие		Независимая переменная 2 – посттравматический стресс	
	Коэффициент регрессии β	R2	Коэффициент регрессии β	R2
Интегральный показатель социализации	0,69	0,471	-0,26	0,07
Базовые коммуникативные трудности	-0,34	0,116	0,42	0,17
Содержательные коммуникативные трудности	-0,34	0,116	0,4	0,16
Инструментальные коммуникативные трудности	-0,38	0,141	0,38	0,14
Рефлексивные коммуникативные трудности	-0,36	0,129	0,35	0,12
Эмоциональный образ мира	0,5	0,249	-0,31	0,09
Когнитивный образ мира	0,5	0,254	-0,36	0,13
Волевой образ мира	0,35	0,121	-0,22	0,05

Выявлено, что у психологического благополучия процент объясненной дисперсии в отношении социализации и образа мира в разы выше, чем у травматизации. В отношении нивелирования коммуникативных трудностей сила предикции у психологического благополучия практически такая же, как и у травматизации.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования показали, что в целом по выборке проявления травматического стресса соответствуют тяжелому уровню посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). При этом уровень психологического благополучия детей находится в пределах верхней границы нормы, что служит индикатором наличия эффективных адаптационных механизмов, позволяющих детям сохранять относительное благополучие даже в условиях сверхнормативного контекста. Выявленное противоречие между высоким уровнем благополучия и тяжелой травматизацией может быть объяснено резидентностью – «способностью системы благополучно адаптироваться к факторам, угрожающим жизнеспособности, функционированию и развитию системы»²⁰. Дети могут демонстрировать высокую устойчивость к стрессу при наличии внутренних и внешних ресурсов, таких как поддержка семьи, школы, многообразие социальных связей [28], эффективные паттерны совладания, ценностно-смысловые ориентации и др.²¹. Также дети могут по-разному

реагировать на военный контекст в зависимости от пола, возраста, доступа к социальным ресурсам и культурного контекста²² [29].

Это подтверждается и на уровне результатов, отражающих относительную сбалансированность образа мира и отсутствие ярко выраженных коммуникативных трудностей и трудностей социализации у респондентов на уровне средневыборочных значений, несмотря на социальную ситуацию в современном обществе, имеющую признаки социальной энтропии. Неопределенность становится адаптивным вызовом²³ и фоновой ситуацией повседневной жизни человека, в которой происходит оттачивание преодолевающих форм поведения, формируется жизнестойкость²⁴.

Проведенный кластерный анализ выявил пять различных типов связанных психологического благополучия и травматизации. Кластерам были присвоены условные названия: «Амбивалентное благополучие», «Зашитное благополучие», «Ресурсное благополучие», «Стабильное благополучие», «Неблагополучие», которые впоследствии были разделены на две группы: кластеры зон высокого и низкого психологического риска. К зоне высокого риска были отнесены кластеры «Амбивалентного благополучия», «Зашитного благополучия» и кластер «Неблагополучия», низкого – кластеры «Ресурсного благополучия» и «Стабильного благополучия». Эти кластеры можно рассматривать как *типы адаптации к экстремальным условиям*, каждый из которых имеет

²⁰ Masten A. S. Ordinary magic: Resilience in development. – Guilford Press, 2014.

²¹ Masten A. S., Cicchetti D. In: Cicchetti D (ed). Developmental psychopathology – Vol. 4. – 3rd ed. – New York. – Wiley. – 2016. – P. 271–333.

²² Barber B. K. Glimpsing the complexity of youth and political violence // International Journal of Behavioral Development. – 2009. – Vol. 33 (6). – P. 491–499. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025409343769>

²³ Hirsh J. B., Mar R. A., Peterson J. B. Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety // Psychological Review. – 2012. – Vol. 119. – P. 304–320.

²⁴ Одинцова М. А. Психология жизнестойкости: учебное пособие. – М.: Флинта, 2015. – 292 с.

свои особенности, связанные с уровнем психологического благополучия, степенью травматизации, а также кластеры отличаются по трудностям социализации, коммуникации, образу мира.

Кластер «Амбивалентное благополучие» включает детей, которые, несмотря на относительное психологическое благополучие, демонстрируют высокий уровень травматизации, что указывает на то, что эти дети все еще находятся в зоне риска. Большинство детей в этом кластере проживают в зоне непосредственной близости к военным действиям (55,3 % «первого круга» и 17 % «второго круга близости»). Дети, находящиеся в эпицентре конфликта, испытывают сильную степень стресса, но при этом пытаются адаптироваться, используя различные копинг-стратегии²⁵. Возможно, они используют стратегии избегания или подавления эмоций, что временно помогает справляться со стрессом, но может привести к отсроченным последствиям [30]. Их благополучие остается неустойчивым из-за постоянного воздействия травматических факторов, поэтому в полной мере не может нивелировать действие травматизации. Дети из «третьего круга» (27,7 %), попавшие в этот кластер, вероятно, подвержены косвенному влиянию конфликта через СМИ, миграцию или общение с беженцами, близкими участниками военных действий. На уровне значимых различий у детей из данного кластера наблюдаются более выраженные трудности социализации, чем во втором, третьем и четвертом кластерах, но при этом базовые коммуникативные трудности выражены в меньшей степени, чем во втором и пятом. Их образ мира менее позитивен, чем в третьем и четвертом кластерах, что может отражать

внутреннюю борьбу между стремлением к нормальной жизни и травматическим опытом, попытками адаптироваться к новым условиям и высокой тревогой.

Второй кластер «Защитное благополучие» представляет собой парадоксальную ситуацию, когда дети демонстрируют высокое благополучие, несмотря на крайне тяжелые последствия травматического стресса. Возможно, у данных детей срабатывают механизмы психологической защиты (отрицание, диссоциация²⁶), которые позволяют им временно дистанцироваться от травматического опыта, в то же время могут быть неэффективными в долгосрочной перспективе, так как не способствуют конструктивному переживанию травматического опыта. Высокий уровень переживания вторжения, регрессии, горя (категории травматического стресса) указывает на то, что эти дети находятся в состоянии постоянной внутренней борьбы, что может привести к эмоциональному истощению. У детей из данного кластера в меньшей степени, чем в первом и пятом, присутствуют трудности социализации, в том числе коммуникативные; более конструктивен волевой и когнитивный компоненты образа мира, чем у детей из пятого кластера. Но по эмоциональному компоненту образа мира они схожи с детьми из кластеров «зоны риска» – первого и пятого. Вероятно, как и в первом кластере, психологическое благополучие здесь играет буферную роль и достигается за счет развитой и сохранной системы социальной поддержки. Компоненты благополучия у детей второго кластера, по сравнению с первым и пятым кластерами, находятся в зоне относительно высоких значений (на уровне показателей детей из третьего

²⁵ Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. – Springer. – 1984.

²⁶ Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defense. In: The Writings of Anna Freud – Vol. 2. – New York: International Universities Press, 1936.

кластера), что, видимо, и позволяет им не испытывать ярко выраженных трудностей социализации, несмотря на проявления травматизации. В этом кластере 46 % детей из «третьего круга близости», которые меньше подвержены прямому воздействию военного конфликта, при этом могут испытывать стресс из-за косвенных факторов.

Третий кластер «Ресурсное благополучие» отличает более благоприятная картина: высокий уровень психологического благополучия при умеренной травматизации. Этот кластер включает детей, которые достаточно успешно адаптировались к условиям военного конфликта благодаря наличию внутренних и внешних ресурсов. Умеренный уровень травматизации указывает на то, что травматические события в их жизни присутствовали, но в меньшей степени, чем у детей из первого, второго и пятого кластеров. Они смогли интегрировать этот опыт в свою жизнь, не теряя чувств контроля и оптимизма. Такие дети, вероятно, обладают развитыми копинг-стратегиями, такими как поиск социальной поддержки и активное решение проблем, что позволяет им минимизировать последствия травматического стресса. Они демонстрируют более высокий уровень социализации, чем дети из первого, второго, пятого кластеров, и незначительные, соответствующие возрастным нормам, коммуникативные трудности. Их образ мира более гармоничен, что отражает способность находить баланс между реальностью и своими внутренними ресурсами.

В то же время их показатели значимо отличаются от показателей четвертого кластера, т. е. они еще не достигли оптимального уровня

благополучия и находятся в активной адаптивной фазе. Состав данного кластера по параметру приближенности к зонам военного конфликта (47,8 % – из «первого круга», 10,4 % – «второго», 41,8 % – третьего) демонстрирует, что даже в зоне непосредственной близости к конфликту («первый круг») есть дети, которые смогли адаптироваться благодаря наличию внутренних и внешних ресурсов. Это может быть связано с сильной социальной поддержкой, высокой самоэффективностью и/или позитивным мировосприятием. Дети из «третьего круга», попавшие в этот кластер, вероятно, обладают развитыми копинг-стратегиями, которые помогают им справляться с косвенным влиянием конфликта.

Четвертый кластер «Стабильное благополучие» представляет детей, которые, несмотря на проживание в условиях военного времени, демонстрируют исключительно высокий уровень благополучия при низком уровне травматизации. Их нечувствительность к травматичному контексту, устойчивость по отношению к нему могут быть связаны с наличием сохранной системы социальной поддержки, высокой самоэффективностью и позитивным мировоззрением²⁷. У этих детей практически отсутствуют трудности социализации, а их образ мира отличается гармоничностью и позитивностью. Они могут быть точкой опоры, источником социальной и эмоциональной поддержки для детского сообщества, выступая ресурсом для других детей, испытывающих сложности адаптации к стрессогенным условиям. Весьма парадоксально, но 56,7 % детей этого кластера проживают в зоне непосредственного военного конфликта (11,7 % – «второй круг», 31,7 % – «третий»).

²⁷ Seligman M. E. P. Flourish. – New York. – Free Press. – 2011.

Это может быть связано с тем, что эти дети обладают исключительно сильными личностными и внешними ресурсами, такими как поддержка семьи, доступ к психологической помощи, развитые навыки совладания со стрессом, высокий уровень жизнестойкости.

Пятый кластер «Неблагополучие» отличается низким уровнем психологического благополучия при очень высоком уровне травматизации, что может быть связано с отсутствием внутренних и внешних ресурсов для совладания со стрессом. Этот кластер отражает детей, находящихся в зоне высокого психологического риска. Дети могут испытывать чувство безнадежности, беспомощности и отчаяния²⁸. Их травматический опыт может быть настолько интенсивным, что они не в состоянии найти смысл или надежду в сложившейся ситуации. У этих детей наблюдаются значительные трудности социализации, включая проблемы с коммуникацией и формированием позитивного образа мира. Они могут быть изолированы от сверстников и испытывать трудности в установлении доверительных отношений. Их образ мира может быть пессимистичным и фрагментированным, что отражает их глубокую травматизацию. В этом кластере преобладают дети из второго (40 %) и третьего (40 %) кругов близости. Дети из «второго круга» в настоящий момент находятся практически в эпицентре военных событий, при этом их травматичный опыт более свежий, чем у детей, находящихся на вновь присоединенных территориях, что требует более высокого адаптационного потенциала. Дети «третьего круга» также испытывают сильный стресс, несмотря на удаленность от зоны конфликта. Это может быть связано с косвенными факторами: тревогой за близких, проживающих в

зоне боевых действий, страхом перед возможной эскалацией, эмоциональной депривацией и др.

Выделенные кластеры можно рассматривать как различные стратегии адаптации к экстремальным условиям военного конфликта. Дети из кластеров 3 и 4 демонстрируют успешную адаптацию благодаря наличию внутренних и внешних ресурсов, что согласуется с теорией резилентности²⁹. В то же время дети из кластеров 1, 2 и 5 находятся в зоне риска, так как их благополучие либо неустойчиво, либо нивелировано травматичным опытом. Это подчеркивает важность разработки дифференцированных программ психологической помощи, направленных на укрепление ресурсов детей, снижение последствий травматического стресса и поддержку их социализации.

Стоит отметить особенности распределения детей по кластерам в зависимости от их принадлежности к кругам территориальной близости к специальной военной операции. Выявлено, что во все кластеры попадают дети из разных кругов близости, но в разном соотношении. Дети из вновь присоединенных территорий распределены по всем кластерам, что указывает на разнообразие их адаптационных стратегий. Некоторые из них демонстрируют высокий уровень благополучия благодаря системе ресурсов, в то время как другие находятся в зоне риска из-за непосредственного воздействия конфликта и дефицитарности ресурсов. Дети с приграничных территорий (Курск, Белгород) чаще попадают в кластеры с высоким уровнем травматизации (1, 2 и 5), что может быть связано с постоянной угрозой эскалации конфликта и отсутствием чувства безопасности. Дети из центральных регионов

²⁸ Seligman M. E. P. Helplessness. – San Francisco. – W. H. Freeman. – 1975.

²⁹ Masten A. S. Ordinary magic: Resilience in development. – Guilford Press. – 2014.

России демонстрируют как высокий уровень благополучия (кластеры 3 и 4), так и неблагополучие (кластер 5). Это может быть связано с тем, что некоторые дети успешно справляются с косвенным влиянием конфликта, в то время как другие испытывают сильный стресс из-за тревоги, страха, дефицитарности внутренних и внешних ресурсов. Прямой связи между принадлежностью к «кругу близости» и вариантом благополучия не выявлено, что может говорить о том, что варианты благополучия в меньшей степени определяются ситуативными факторами, чем диспозиционными.

Это находит косвенное подтверждение на уровне регрессионного анализа по выявлению предикционной нагрузки психологического благополучия и травматизации личности в отношении социализации. Результаты показывают, что психологическое благополучие играет более значимую роль в адаптации детей, чем травматический стресс. Высокий уровень благополучия, выражющийся в позитивной самооценке, самопринятии, оптимистичном взгляде на себя, окружающих, свою жизнь, способности к самопроектированию, саморегуляции, адекватном реагировании на различные стимулы внешней среды, наличии сбалансированной и устойчивой системы ценностей, способствует успешной социализации, снижению коммуникативных трудностей и формированию позитивного образа мира даже при условии травматичного опыта. Травматический стресс оказывает негативное влияние на социализацию, коммуникативные качества и образ мира, затрудняя адаптацию, но сила его предикции ниже, чем у психологического благополучия. За счет этого психологи-

ческое благополучие в условиях травматизации может играть буферную роль, стабилизируя состояние субъекта, гармонизируя процесс его социализации. Высокий уровень благополучия может смягчать негативное влияние травматизации, что согласуется с теорией устойчивости и совладания³⁰.

Однако в отношении коммуникативных трудностей сила влияния травматического стресса практически такая же, как и у психологического благополучия. Это подчеркивает, что травматизация может существенно затруднять социальное взаимодействие, даже если дети демонстрируют относительно высокий уровень благополучия.

Реализация *программ психолого-педагогической помощи в образовательной среде* должна строится с учетом типа психологического благополучия обучающихся (табл. 6).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд значимых тенденций, которые вносят вклад в понимание механизмов резидентности и совладания со стрессом военного времени, а также обосновать ресурсную роль образовательной среды в социализации подростков с разными вариантами психологического благополучия в условиях гибридной войны.

Полученные результаты подчеркивают сложность и многогранность процессов адаптации детей к травматическим условиям, а также важность учета как ситуативных, так и диспозиционных факторов в поддержании их благополучия и успешной социализации.

³⁰ Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. – Springer. – 1984.

Таблица 6

Мишени психолого-педагогической помощи подросткам в образовательной среде

Table 6

Targets of psychological and pedagogical assistance to adolescents in the educational environment

№	Тип психологического благополучия	Мишени помощи
1	Амбивалентное благополучие	Снижение уязвимости к стрессу: развитие навыков эмоциональной саморегуляции, обучение конструктивным копинг-стратегиям, техникам снижения тревожности; проведение положительной инвентаризации собственной жизни, обучение методам позитивного восприятия окружающего мира; оказание помощи в осознании и принятии эмоций (использование приемов арт-терапии, сказкотерапии, игротерапии); обучение навыкам самопомощи (дневниковые практики, целевые записи); минимизация травматического контента в образовательном процессе; формирование критического восприятия информации, коррекция восприятия опасности (работа со страхами и иррациональными убеждениями)
2	Защитное благополучие	Укрепление устойчивости, развитие эмоциональной осознанности; переработка травматического опыта для предотвращения эмоционального истощения и долгосрочных последствий; реабилитация «Я» в собственных глазах и достижение уверенности в себе, снятие внутреннего напряжения, обучение новым копинг-стратегиям; формирование ощущения безопасности и контроля через создание новых значимых целей в жизни и обучение навыкам постановки задач; организация групповой работы для формирования ощущения принадлежности и доверия
3	Ресурсное благополучие	Инвентаризация личностных ресурсов, укрепление сильных сторон, работа с образом будущего через позитивное целеполагание; развитие навыков решения проблем и поиска конструктивных решений; предупреждение отсроченных неблагоприятных реакций путем избавления от неблагоприятных эмоциональных состояний; формирование историй успеха, в которых преодоление трудностей воспринимается как личный рост
4	Стабильное благополучие	Укрепление личностных ресурсов, развитие навыков саморегуляции и жизнестойкости; обучение навыкам эффективного общения и взаимной поддержки, формирование умений конструктивного разрешения конфликтов; содействие в постановке долгосрочных жизненных целей; стимулирование участия подростков в волонтерских, образовательных и социальных инициативах, формирование сетей взаимной помощи
5	Неблагополучие	Повышение уровня доверия; обучение способам выражения актуальных эмоций и чувств; переоценка негативного восприятия себя и мира, поиск смыслов, построение конструктивного мировоззрения; поддержка в осознании и принятии своих сильных сторон, развитие индивидуальной системы ресурсов; помощь в построении межличностных связей со сверстниками и взрослыми; обучение навыкам стрессоустойчивости и саморегуляции; формирование позитивного социального опыта, поощрение участия в коллективных мероприятиях и проектах; обучение способам осознания и противостояния косвенным стрессовым факторам (тревога за близких, боязнь будущего); оказание помощи в поиске индивидуальных эффективных адаптивных стратегий поведения в сложных ситуациях, поддержка в поиске новых интересов и увлечений

Основным результатом исследования является выявление пяти вариантов благополу-

чия детей в условиях гибридной войны, которые отражают различные варианты связанно-

сти психологического благополучия и травматизации личности, а также особенности адаптации к высокострессогенной среде. Кластеры «Ресурсное благополучие» и «Стабильное благополучие» демонстрируют высокую эффективность адаптационных механизмов, ключевую роль внутренних и внешних ресурсов, таких как социальная поддержка, развитые копинг-стратегии и позитивное мировосприятие.

Кластеры «Амбивалентное благополучие», «Зашитное благополучие» и «Неблагополучие» составляют зону высокого психологического риска. Дети, относящиеся к этим группам, демонстрируют либо неустойчивое благополучие на фоне умеренной и высокой травматизации, обусловленное действием защитных механизмов (например, отрицание или диссоциация), либо глубокую травматизацию, сопровождающуюся низким уровнем благополучия, ведущую к выраженным трудностям социализации и адаптации. Эти результаты подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к оказанию психологической помощи, учитывающего специфику адаптационных возможностей ребенка.

Психологическое благополучие играет более значимую роль в успешной адаптации и социализации детей, чем травматический стресс. Оно выполняет буферную функцию, смягчая негативное влияние травматизации на социализацию. Однако травматический стресс оказывает существенное влияние на коммуникативные трудности, что подчеркивает необходимость комплексного подхода, направленного как на снижение последствий травмы, так и на укрепление ресурсов детей.

Несмотря на отсутствие прямой связи между принадлежностью к кругу близости и

вариантом благополучия, дети, проживающие в непосредственной близости к конфликту, чаще оказываются в зоне высокого риска. Это свидетельствует о том, что, хотя адаптационные стратегии в большей степени зависят от внутренних ресурсов, ситуативные факторы, такие как постоянная угроза безопасности, нарушение систем поддержки, могут усугублять последствия травматизации.

На основании полученных данных можно сделать вывод о необходимости разработки *дифференцированных программ психолого-педагогической помощи*, которые будут реализовываться в образовательной среде и будут направлены на укрепление адаптационных ресурсов детей, снижение последствий травматического стресса и поддержку благополучия. Особое внимание следует уделить детям из зоны высокого психологического риска, для которых характерны неустойчивое благополучие или глубокое неблагополучие. Программы психолого-педагогической помощи должны включать как индивидуальную, так и групповую работу, направленную на развитие эффективных копинг-стратегий, формирование позитивного образа мира и актуализацию ресурсов детей.

Безусловно, данное исследование имеет ограничения, среди которых важным является то, что не был учтен фактор внутренней миграции и в различные «круги близости» могли войти респонденты, изначально проживающие на фронтовых или приграничных территориях России; а также нерандомизированность выборки по половой и территориальной принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Khamis V. Posttraumatic stress disorder and emotion dysregulation among Syrian refugee children and adolescents resettled in Lebanon and Jordan // Child Abuse & Neglect. – 2019. – Vol. 89. – P. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chabu.2018.12.013>
2. Pat-Horenczyk R., Schiff M. Growing up in the shadow of terrorism: Youth in Israel // Annual Review of Clinical Psychology. – 2019. – Vol. 15. – P. 311–336. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050718-095429>
3. Александрова Л. А., Дмитриева С. О. Дети в условиях войны: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 1. – С. 139–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68003229> DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130113>
4. Dubow E. F., Huesmann L. R., Boxer P. The effects of exposure to violence on aggressive behavior: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. – 2020. – Vol. 146 (2). – P. 123–154. DOI: <https://doi.org/10.1037/bul0000217>
5. Jones L., Asare J. B., El Masri M., Mohanraj A., Sherief H., van Ommeren M. Severe mental disorders in complex emergencies // The Lancet. – 2022. – Vol. 399 (10321). – P. 72–83. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02147-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02147-3)
6. Kira I. A., Shuwiekh H., Alhuwailah A., Ashby J. S., Sous F., Baali S., Azdaou C. The effects of COVID-19 and collective identity trauma (CIT) on mental health: Implications for current and future pandemics // International Journal of Mental Health and Addiction. – 2020. – Vol. 19 (6). – P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00424-8>
7. Захарова Н. М., Цветкова М. Г. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 185–197. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44491592> DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100413>
8. Bürgin D., Anagnostopoulos D., Board and Policy Division of ESCAP, Vitiello B., Sukale T., Schmid M., Fegert J. M. Impact of war and forced displacement on children's mental health-multi-level, needs-oriented, and trauma-informed approaches // European child & adolescent psychiatry. – 2022. – Vol. 31 (6). – P. 845–853. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-01974-z>
9. Masten A. S. Resilience theory and research on children and families: Past, present, and promise // Journal of Family Theory & Review. – 2018. – Vol. 10 (1). – P. 12–31. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12255>
10. Hobfoll S. E., Watson P., Bell C. C., Bryant R. A., Brymer M. J., Friedman M. J., Ursano R. J. Five essential elements of immediate and mid-term mass trauma intervention: Empirical evidence // Psychiatry. – 2019. – Vol. 82 (4). – P. 311–332. DOI: <https://doi.org/10.1080/00332747.2019.1623151>
11. Елупахина А. В. Условия формирования психологического благополучия детей в образовательной среде учреждения дошкольного образования // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – № 2 (144). – С. 170–182. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49726461> DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.22.031>
12. Струкова А. С., Поливанова К. Н. Благополучие в образовании: современные теории благополучия, исторический контекст и эмпирические исследования // Современная зарубежная психология. – 2023. – № 3 (12). – С. 137–148. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=54946790> DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120313>
13. Layne C. M., Olsen J. A., Baker A., Legerski J. P., Isakson B., Pasalic A., Pynoos R. S. Unpacking trauma exposure risk factors and differential pathways of influence: Predicting postwar mental distress in Bosnian adolescents // Child Development. – 2020. – Vol. 81 (4). – P. 1053–1076. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.13330>
14. Jordans M. J. D., Pigott H., Tol W. A. Interventions for children affected by armed conflict: A systematic review of mental health and psychosocial support in low- and middle-income countries //

Current Psychiatry Reports. – 2021. – Vol. 18 (1). – P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01220-8>

15. Павлова Н.С. Исследование субъектных и личностных характеристик в русле системно-субъектного подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 462–474. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57476938> DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.402>
16. Самохвалова А. Г., Шипова Н. С., Тихомирова Е. В., Вишневская О. Н. Психологическое благополучие современных студентов: типология и мишины психологической помощи // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 1 (115). – С. 29–48. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=49382076> DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>
17. Catani C. Mental health of children living in war zones: a risk and protection perspective // World Psychiatry. – 2018. – Vol. 17 (1). – P. 104–105. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20496>
18. Betancourt T. S., McBain R., Newnham E. A., Brennan R. T. The intergenerational impact of war on mental health and psychosocial wellbeing: Lessons from the longitudinal study of war-affected youth in Sierra Leone // Conflict and Health. – 2019. – Vol. 13 (1). – P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13031-019-0226-9>
19. Panter-Brick C., Grimon M. P., Eggerman M. Trauma memories, mental health, and resilience: A prospective study of Afghan youth // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2021. – Vol. 56 (7). – P. 814–825. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13337>
20. Gindt M., Fernandez A., Zeghari R., Ménard M.-L., Nachon O., Richez A., Auby P., Battista M., Askenazy F. A 3-year retrospective study of 866 children and adolescent outpatients followed in the Nice Pediatric Psychotrauma Center created after the 2016 mass terror attack // Frontiers in Psychiatry. – 2022. – Vol. 13. – P. 1010957. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.1010957>
21. Çekiç A. Psychological symptoms in children who are victims of war and migration: Comparison of Turkish and Syrian students // Global Journal of Guidance and Counseling in Schools: Current Perspectives. – 2022. – Vol. 12 (1). – P. 150–157. DOI: <https://doi.org/10.18844/gjgc.v12i1.7457>
22. Llabre M. M., Hadi F., La Greca A. M., Lai B. S. Psychological Distress in Young Adults Exposed to War-Related Trauma in Childhood // Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology. – 2015. – Vol. 44 (1). – P. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.1080/15374416.2013.828295>
23. Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А., Шаталова Н. Е., Дымова Е. Н. Психологические последствия переживания стресса в детском возрасте — феномены «оставленности» и «вовлеченности» // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 71–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49573895> DOI: <https://doi.org/10.17759/cpsc.2022110303>
24. Реан А. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 37–59. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s1814-95450000617-1-1-ru-211/> URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=44007508>
25. Самохвалова А. Г., Шипова Н. С., Вишневская О. Н., Тихомирова Е. В. Верификация и валидизация методик изучения трудностей социализации и уровня психологического благополучия подростков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 60–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82283503> DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-76-83>
26. Самохвалова А. Г., Екимчик О. А. Коммуникативные трудности подростка: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 60. – С. 7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36318191> DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.276>
27. Şişmanlar Ş. G., Demirbaş-Çakır E., Karakaya I., Çizmecioğlu F. M., Yavuz C. I., Hatun Ş., Ağaoğlu B. Posttraumatic stress symptoms in children diagnosed with type 1 diabetes // Italian Journal of Pediatrics. – 2012. – Vol. 38 (1). – P. 13. DOI: <https://doi.org/10.1186/1824-7288-38-13>

28. Masten A. S. Resilience from a developmental systems perspective // World Psychiatry. – 2019. – Vol. 18 (1). – P. 101–102. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20591>
29. Southwick S. M., Sippel L., Krystal J., Charney D., Mayes L., Pietrzak R. Why are some individuals more resilient than others: The role of social support // World Psychiatry. – 2016. – Vol. 15 (1). – P. 77–79. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20282>
30. Herman J. L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma // Journal of Traumatic Stress. – 1992. – Vol. 5 (3). – P. 377–391. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00977235>

Поступила: 28 марта 2025 Принята: 10 мая 2025 Опубликована: 30 июня 2025

Заявленный вклад авторов:

Тихомирова Е. В.: сбор эмпирического материала, выполнение статистических процедур, оформление текста статьи.

Шипова Н. С.: сбор материалов, литературный обзор.

Вишневская О. Н.: сбор материалов, литературный обзор.

Самохвалова А. Г.: организация исследования, концепция и дизайн исследования, интерпретация результатов и общее руководство.

Все авторы ознакомились с результатами работы и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о конфликте интересов:

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи

Информация об авторах

Тихомирова Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей и социальной психологии,
Костромской государственный университет,
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>

SPIN-код: 8670-2102

E-mail: ev_tihomirova@kosgos.ru

Шипова Наталья Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра специальной педагогики и психологии,
Костромской государственный университет,
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>
SPIN-код: 9937-4423
E-mail: n_shipova@kosgos.ru

Вишневская Оксана Николаевна

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра педагогики и акмеологии личности,
Костромской государственный университет,
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>
SPIN-код: 3709-7484
E-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Самохвалова Анна Геннадьевна

доктор психологических наук, профессор, директор,
институт педагогики и психологии,
Костромской государственный университет,
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>
SPIN-код: 7869-7192
E-mail: a_samohvalova@kosgos.ru

Educational environment as a resource for socialization of adolescents with different types of well-being in the context of hybrid war

E. V. Tikhomirova¹, N. S. Shipova¹, O. N. Vishnevskaya¹, A. G. Samokhvalova ¹

¹ Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article examines the problem of resource capabilities of the educational environment as a means of adolescents' socialization. The purpose of the study is to identify the degree of traumatization and features of psychological well-being of children in the context of a hybrid war, as well as to clarify the targets of psychological and teaching assistance to adolescents with different types of well-being.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is the subject-activity, socio-cultural and resource approaches. The study was carried out within the framework of the nomothetic approach. The authors used theoretical (analysis, comparison, generalization, systematization) and empirical (testing) methods and methods of statistical processing of information to achieve the goal. The respondents were 249 children (75 boys and 174 girls) aged 14 to 17 years (mean age = 15.9; SD = 1.17), living in territories of varying distances from the areas of military operations (newly annexed territories – the "first circle of proximity" to the Special Military Operation (Luhansk, Donetsk, n = 115), border Russian territories - "the second circle of proximity" (Kursk, Belgorod, n = 41) and remote regions - "the third circle of proximity" (Kostroma, Yaroslavl, n = 93).

Results. The authors of the article analyzed and summarized the studies of Russian and foreign scholars devoted to the issues of socialization and psychological well-being of children in the context of a hybrid war, as well as identifying the resource capabilities of the educational environment in minimizing the risks of socialization of the younger generation; the empirical results of the study are presented; 5 clusters are identified reflecting various types of expression of indicators of well-being and traumatization of children in the conditions of military conflict, as well as the connectivity of these indicators. Based on the analysis of the research results, difficulties of socialization, communication problems and specificity of the image of the world in the selected comparison groups were determined; risk zones in the processes of socialization of adolescents were identified.

Acknowledgments

The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) by a project assignment.

Project No. 24-28-00725 ("Children of the era of hybrid warfare": difficulties of socialization, image of the future, resources of psychological well-being")

For citation

Tikhomirova E. V., Shipova N. S., Vishnevskaya O. N., Samokhvalova A. G. Educational environment as a resource for socialization of adolescents with different types of well-being in the context of hybrid war. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15 (3), pp. 224–251. DOI: [http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.11](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.11)

  Corresponding Author: A. G. Samokhvalova, a_samokhvalova@kosgos.ru

© E. V. Tikhomirova, N. S. Shipova, O. N. Vishnevskaya, A. G. Samokhvalova, 2025

Conclusions. Variants of well-being and ill-being of adolescents in the conditions of a hybrid war were identified, which made it possible to determine the areas of targeted psychological and pedagogical assistance to adolescents in the education system based on the results obtained.

Keywords

Educational environment; Socialization; Adolescents; Hybrid war; Psychological well-being; Traumatization; Resource; Communication difficulties; Image of the world.

REFERENCES

1. Khamis V. Posttraumatic stress disorder and emotion dysregulation among Syrian refugee children and adolescents resettled in Lebanon and Jordan. *Child Abuse & Neglect*, 2019, vol. 89, pp. 29-39. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chabu.2018.12.013>
2. Pat-Horenczyk R., Schiff M. Growing up in the shadow of terrorism: Youth in Israel. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2019, vol. 15, pp. 311-336. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-050718-095429>
3. Aleksandrova L. A., Dmitrieva S. O. Children and war: Review of foreign studies. *Modern Foreign Psychology*, 2024, vol. 13 (1), pp. 139-149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68003229> DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130113>
4. Dubow E. F., Huesmann L. R., Boxer P. The effects of exposure to violence on aggressive behavior: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2020, vol. 146 (2), pp. 123-154. DOI: <https://doi.org/10.1037/bul0000217>
5. Jones L., Asare J. B., El Masri M., Mohanraj A., Sherief H., van Ommeren M. Severe mental disorders in complex emergencies. *The Lancet*, 2022, vol. 399 (10321), pp. 72-83. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)02147-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)02147-3)
6. Kira I. A., Shuwiekh H., Alhuwailah A., Ashby J. S., Sous F., Baali S., Azdaou C. The effects of COVID-19 and collective identity trauma (CIT) on mental health: Implications for current and future pandemics. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020, vol. 19 (6), pp. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00424-8>
7. Zakharova N. M., Tsvetkova M. G. Mental and behavioral disorders in the civilian population of regions affected by local warfare. *Psychology and Law*, 2020, vol. 10 (4), pp. 185-197. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44491592> DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100413>
8. Bürgin D., Anagnostopoulos D., Board and Policy Division of ESCAP, Vitiello B., Sukale T., Schmid M., Fegert J. M. Impact of war and forced displacement on children's mental health-multilevel, needs-oriented, and trauma-informed approaches. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2022, vol. 31 (6), pp. 845-853. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-022-01974-z>
9. Masten A. S. Resilience theory and research on children and families: Past, present, and promise. *Journal of Family Theory & Review*, 2018, vol. 10 (1), pp. 12-31. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12255>
10. Hobfoll S. E., Watson P., Bell C. C., Bryant R. A., Brymer M. J., Friedman M. J., Ursano R. J. Five essential elements of immediate and mid-term mass trauma intervention: Empirical evidence. *Psychiatry*, 2019, vol. 82 (4), pp. 311-332. DOI: <https://doi.org/10.1080/00332747.2019.1623151>
11. Elupahina A. V. Conditions for the formation of psychological well-being of children in the educational environment of a preschool institution. *Bulletin of the Vyatka State University*, 2022, no. 2, pp. 170-182. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49726461> DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.22.031>

12. Strukova A. S., Polivanova K. N. Well-being in education: modern theories, historical context, empirical studies. *Modern Foreign Psychology*, 2023, no. 3, pp. 137-148. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54946790> DOI: <https://doi.org/10.17759/jmpf.2023120313>
13. Layne C. M., Olsen J. A., Baker A., Legerski J. P., Isakson B., Pasalic A., Pynoos R. S. Unpacking trauma exposure risk factors and differential pathways of influence: Predicting postwar mental distress in Bosnian adolescents. *Child Development*, 2020, vol. 81 (4), pp. 1053–1076. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.13330>
14. Jordans M. J. D., Pigott H., Tol W. A. Interventions for children affected by armed conflict: A systematic review of mental health and psychosocial support in low- and middle-income countries. *Current Psychiatry Reports*, 2021, vol. 18 (1), pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11920-020-01220-8>
15. Pavlova N. S. The study of subjective and personal characteristics in line with the system-subject approach. *Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 2023, vol. 13 (4), pp. 462-474. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=57476938> DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.402>
16. Samokhvalova A. G., Shipova N. S., Tikhomirova E. V., Vishnevskaya O. N. Psychological well-being of modern students: typology and targets of psychological help. *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 2022, vol. 30 (1), pp. 29-48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49382076> DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300103>
17. Catani C. Mental health of children living in war zones: A risk and protection perspective. *World Psychiatry*, 2018, vol. 17 (1), pp. 104-105. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20496>
18. Betancourt T. S., McBain R., Newnham E. A., Brennan R. T. The intergenerational impact of war on mental health and psychosocial wellbeing: Lessons from the longitudinal study of war-affected youth in Sierra Leone. *Conflict and Health*, 2019, vol. 13 (1), pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13031-019-0226-9>
19. Panter-Brick C., Grimon M. P., Eggerman M. Trauma memories, mental health, and resilience: A prospective study of Afghan youth. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2021, vol. 56 (7), pp. 814-825. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcpp.13337>
20. Gindt M., Fernandez A., Zeghari R., Ménard M.-L., Nachon O., Richez A., Auby P., Battista M., Askenazy F. A 3-year retrospective study of 866 children and adolescent outpatients followed in the Nice Pediatric Psychotrauma Center created after the 2016 mass terror attack. *Frontiers in Psychiatry*, 2022, vol. 13, pp. 1010957. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1010957>
21. Çekiç A. Psychological symptoms in children who are victims of war and migration: Comparison of Turkish and Syrian students. *Global Journal of Guidance and Counseling in Schools: Current Perspectives*, 2022, vol. 12 (1), pp. 150-157. DOI: <https://doi.org/10.18844/gjgc.v12i1.7457>
22. Llabre M. M., Hadi F., La Greca A. M., Lai B. S. Psychological distress in young adults exposed to war-related trauma in childhood. *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*, 2015, vol. 44 (1), pp. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.1080/15374416.2013.828295>
23. Kharlamenkova N. E., Nikitina D. A., Shatalova N. E., Dymova E. N. Psychological consequences of experienced stress in childhood - phenomena of “abandonment” and “involvement”. *Clinical and Special Psychology*, 2022, vol. 11 (3), pp. 71-96. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49573895> DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110303>
24. Rean A. A., Stavtsev A. A. Positive psychological interventions to prevent well-being issues, aggression and bullying in school students. *Voprosy Edukatsii*, 2020, no. 3, pp. 37-59. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s1814-95450000617-1-1-ru-211/> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44007508>

25. Samokhvalova A. G., Shipova N. S., Vishnevskaya O. N., Tikhomirova E. V. Verification and validation of methods for studying socialization difficulties and the level of psychological well-being of adolescents. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2025, vol. 31 (1), pp. 60-69. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82283503> DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-1-76-83>
26. Samokhvalova Anna G., Ekimchik Olga. A. Communicative difficulties of adolescents: study of psychometric qualities of the questionnaire “difficulties in communicating with peers and adults”. *Psychological Studies*, 2018, vol. 11 (60), pp. 7. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36318191> DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.276>
27. Şişmanlar Ş. G., Demirbaş-Çakır E., Karakaya I., Çizmecioğlu F. M., Yavuz C. I., Hatun Ş., Ağaoğlu B. Posttraumatic stress symptoms in children diagnosed with type 1 diabetes. *Italian Journal of Pediatrics*, 2012, vol. 38 (1), pp. 13. DOI: <https://doi.org/10.1186/1824-7288-38-13>
28. Masten A. S. Resilience from a developmental systems perspective. *World Psychiatry*, 2019, vol. 18 (1), pp. 101-102. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20591>
29. Southwick S. M., Sippel L., Krystal J., Charney D., Mayes L., Pietrzak R. Why are some individuals more resilient than others: The role of social support. *World Psychiatry*, 2016, vol. 15 (1), pp. 77-79. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20282>
30. Herman J. L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 1992, vol. 5 (3), pp. 377-391. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00977235>

Submitted: 28 March 2025

Accepted: 10 May 2025

Published: 30 June 2025

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

The authors' stated contribution:

E. V. Tikhomirova

Contribution of the co-author: collecting empirical material, performing statistical procedures, formating the text of the article.

N. S. Shipova

Contribution of the co-author: collection of materials, literary review.

O. N. Vishnevskaya

Contribution of the co-author: collection of materials, literary review.

A. G. Samokhvalova

Contribution of the co-author: organization of the study, concept and design of the study, interpretation of the results and general guidance of the study.

All authors reviewed the results of the work and approved the final version of the manuscript.

Information about competitive interests:

The authors declare no apparent or potential conflicts of interest in connection with the publication of this article

Information about the Authors**Elena Viktorovna Tikhomirova**

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Department of General and Social Psychology,
Kostroma State University,
156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17/11. Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>
E-mail: ev_tihomirova@kosgos.ru

Natalya Sergeevna Shipova

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Department of Special Pedagogy and Psychology,
Kostroma State University,
156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17/11, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>
E-mail: n_shipova@kosgos.ru

Oksana Nikolaevna Vishnevskaya

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of Pedagogy and Acmeology of Personality,
Kostroma State University,
156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17/11, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>
E-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Anna Gennadyevna Samokhvalova

Doctor of Psychology, Professor, Director,
Institute of Pedagogy and Psychology,
Kostroma State University,
156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17/11, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>
E-mail: a_samohvalova@kosgos.ru